

Соотнесение чина Поклонения Жертве и образа Гостепреимства Авраама

Жертва – трапеза Авраама, жертва Ветхозаветная, про-образ литургии и жертва Нового завета, приближенная к нам. Вот – предмет нашего уяснения – в изображениях восточной стены исихастерия. Предстоящие Жертве – предстоят Ей вместе с нами, в непосредственном образном со-обществе с молящимися, - и при уяснении содержания символов нам не следует онтологически - разделять здесь образы живописанные с образами, во-человеченными, живущими в нас. Со-служащая с Троицей Сарра, восприемница Сарра и восприемник Авраам, изображённый симметрично, одесную от Троицы в утраченной части живописи. Восприемники – святые отцы – предстоят престолу Жертвы в священной, таинственной трапезе литургии - в нижнем ярусе. Всё видимое пространство составляет нераздельный пространственный образ, становится областью таинственного и сосредоточенного предстояния человека - Богу в свершающемся священно-откровении Его, в преподнесении Им Себя – нам – наше молитвенное предстояние. Сокровенная литургическая Жертва, не явленная в Ветхом завете прежде воплощения Бога – про-образуется Ветхим заветом. Литургическая Жертва, не явленная, таинственная, - воспринимается через таинство в завете Новом. Троица – как образ пре-вечного, сущего прежде веков – совета и низошедшая в образе к людям – восприемникам – предъявляется взору в таинственной Трапезе, проникает внутрь человеческого естества Святыми Дарами, как прища духовная, вникающая о-Духо-творением во утробу, в душу, в кровь и во все составы человека. Воплотивший Себя Бог – в таинственной Жертве – также уготовлен для восприятия, для духовного пиршества, к торжественному, триумфальному восшествию, проникновению в человеческое естество. Можно сказать, что образ «Знамения – Благовещения», зримый нами и вовлекающий нас образ восшествия Бога в человеческую плоть, - этот образ – символически при-соединяет человека к свершающемуся со-бытию Боговоплощения, Бого-про-никновения, к вос-шествию Бога в нас. О-знаменованное, символизированное этим образом поклонение Жертве, таинственная Трапеза – есть образ вос-принимаемого Бога, - вос-принимаемого через про-образование – через гостепреимство... - восприятие Гостя – Бога, входящего, вникающего в человека через живое восприятие таинства совершающейся литургии. Об этих смыслах вещает нам образ «Поклонения Жертве».

Рассуждая о композициях на восточной стене исихастерия, впору бы говорить о расширенном образе литургии, вмещающей все этапы существования этого мира и человечества, как его венца – от пре-вечного Троицкого Совета о сотворении – прежде самого творения... «по образу Нашему сотворим их...» - со-вещает в Себе и решает Бог о творении человека. И сотворённый человек – ждёт, встречает и воспринимает своих Высоких Гостей - Ангелов, про-образующих Троичного Бога. Итак, в этой смысловой вертикали изображений мы видим образ пре-вечного, со-вещающего-Ся Бога, образ ветхозаветного восприятия превечного Бога в личности Авраама и под-разумеваемого в его личности духовного многочадия – сынов Божиих – детей Авраамовых. И далее – умножающееся авраамово сыновство – в образе чинопоследования со-служащих в поклонении Жертве и предстоящих Жертве живых людей. Молящиеся в этом пространстве образно, со-образно – входят в число умноженного, превыше числа звёзд небесных многочадия Авраамова Нового завета. И пусть один только человек внутри исихастерия – окружён этим образным чином со-служения в поклонении Жертве, службы святых отцов... - этот единственный человек будет образно – включён внутрь этого

общего предстояни, внутрь вселенской церкви, станет полновесной, полноценной частью аврамова многочадия - «там Я посреди вас» - говорит Господь об этой со-общённости в молитве во Имя Его. Вселенская церковь - образ свидетельствует нам о том – выходит за пределы исторического времени одного только Нового завета, - и связана с пре-вечным Богом, раскрывающем Себя в завете Ветхом. Вновь проследим, промыслим эту смысловую вертикаль композиции: пре-вечный Бог, раскрывающий Себя, вос-принятый Авраамом и Саррой – прежде событий Боговоплощения... и Новозаветная Жертва, вос-принимаемая со-обща нами – слитны эти символы в изобразительном единении грандиозной композиции восточной стены исихастерия. Так, образ обретает превыше-временное значение, пре-восходит историческое бытие, изводит восприемника этого символа за пределы земного существования и вос-соединяет с Богом пре-вечным. Отметим, в данном образе не распознаются нами никакие эсхатологические ожидания и пред-ощущения, - словно бы вос-соединённость с Богом не ведаёт трагизма разделения твари и Творца, оканчивающегося Страшным Судом. Непреложно единение с Господом в пространстве предстояния, здесь нет места отъ-единения, проникнув сюда запросто уже не отвлечься, не изойти прочь... – один только путь вовне - «сквозь» образ «Благовещения – Знамения», лишь ознаменованным – изойдя изойти возможно, - но не ощутить себя вне Господа своего здесь, внутри образа о-Божения. Внутри исихастерия не обретём никаких образных указаний на окончание этого мира, на чаемую нами жизнь будущего века – эта жизнь, как образная реальность – уже – окружает, при-общает и вбирает нас, со-общает себя - нам. Внутренняя логика развития композиций не только воз-водит от земного к небесному, но упокаивает изведённого во-ображённого внутри состояния пре-ображённости, внутри вне-временного состояния, про-являемого преображенским воз-глаголанием апостола Петра: «Господи, хорошо нам здесь – быть!» За этим воз-глаголанием не следует уже никакое действие, но лишь – пребывание неотступное, деятельное проживание истинного своего пред-назначенного себе бытия, в продолжающемся вне-временном «хорошо!», в со-зерцании - взаимном отражении Бога и человека, в неотступном со-прикосновении с Истиной по неизъяснимой благодати Творца. Композиция предлагает нам вос-хождение взора от образа «Службы Святых Отцов» к Троице, как воз-ведение души и упокоение духа под распростёртыми крылами Ангелов, - пре-падание вместе с Авраамом и Саррой к трапезе пре-вечного Бога. Прорастают, возносятся к этому образу и перед ним – столпы столпников, предстоят зримому Богу, вкушают Его, впитывают Его в себя, свидетельствуя о непосредственном со-прикосновении и проникновении молитвенными жестами рук. Такое вос-соединение образной вертикали в двух композиционных чинах видится нам естественным к восприятию. Недопустимо мысленно и в восприятии - разделять изобразительные ряды на самостоятельные композиции и правильно видеть их в нераздельной взаимной связанности чинов. Так неотделимы Ветхий и Новый заветы, и некоей земной, а вместе с тем и вне – временной точкой их слияния принимаем событие Благовещения – во-человечения Бога. Такою же точкой считаем и восприимчивое человеческое сердце молящегося внутри образа... Принимаем и пред-существование Нового завета завету Ветхому – «Агнец заклан от сложения мира» – прежде жертвоприношения и гостеприимства Авраама. И эти духовные смыслы – наглядно про-явлены и могут быть восприняты лишь в со-вмещении, взаимном проникновении композиционных образных пространств восточной стены. В этом видимом единстве исчезает и наша отъединённость от целого, внутри образа мы сопричислены к единству смыслов и можем воспринять завет Ветхий, как нечто отличное от событий, последовавших за Боговоплощением. Неразделимо единение заветов – утверждаемся образом – и духовно - неразделима

целостность человеческой истории от сотворения мира до его венца – в пред-стоянии перед Богом, в Бого-восприятии, в Бого-со-общении. В исихастерии мы не видим крупных и доминирующих изображений Христа, - лишь Эммануил изображён в Знамени, символический Агнец – Жертва на престоле... и центральный Ангел в композиции Троицы – про-образует Спасителя. Крестчатый символ в ангельском нимбе вознесён в самую высшую точку неотступно видимого нами живописного пространства.

Центральный Ангел – Бог Сын, Спаситель – Агнец, закланный от сложения мира – простирает Свои крыла над всем живописным объёмом исихастерия, вмещающая, осеняя – создавая крылатую сень над образом, над предстоящими... и эта сень – Сам Христос, - тогда исихастерий – область спасаемых и спасённых, область вос-принятых Богом. Крестчатый нимб с усилением распознаётся теперь в утратах живописи, он, существуя в изображении, не доминирует неким внятным начертанием символа. Быть может и прежде в целостности живописного убранства при самом создании живописи было не рассмотреть этого символа изнутри молитвенного пространства... но символ этот – вложен автором в из-ображение, в композиции – существует этот символ Христа – и царит над нами, увенчивает образный космос. Венец образного пространства – Сам Христос, преемственный Бог про-образуемый в Троице Ветхого завета. Здесь представляется вполне органичным вспомнить о мысли, неоднократно произнесённой замечательным Богословом Евгением Анндреевичем Авдеенко – о духовном пред - существовании Нового завета – завету Ветхому, о Новозаветном Троическом Боге, пред-шествующем Ветхому завету, о завете спасения человечества Христом и во Христе, пред-лежащем образованию народа Божьего в сынах Авраама, существовавшем прежде поставления завета с Ноем, про-мысленном в Боге прежде сотворения человека и мира. Подтверждение этому видению, утверждение в подобной точке воззрения – распознаём в образной композиции: над трапезой Авраама и Гостей – Ангел, символизирующий Христа, в литургии Ветхого завета – прочитываем литургию завета Нового, Сам Христос Бог – возглавляет Трапезу пре-вечную, раскрывающуюся в Ветхом завете и символически – преподносит Себя в нисходящей новозаветной Жертве - нам, со-служащим пред Его Жертвой, предъ-явленной в образе нижнего живописного яруса. Венцом трапезы Нового завета – живое вкушение, живое вос-приятие, усвоение человеком спасающего Бога., проникновение Бога воплотившегося в человеческие «составы, во утробу и в сердце...». Такovy плоды взаимосвязанности образных пространств верхнего и второго ярусов живописной композиции. Быть может, излишне пространно и утомительно, чрезмерно изобилуя повторами проговорённых значений, мы рассуждали об этом, пытаюсь проскрестись к пред-чувствованному смыслу сквозь собственное непонимание видимого. Образ, раскрывшийся перед нами – помогает и путеводит нас в этом усвоении, слишком путанном, заблудном и почти без-надёжном в без-образии нашего невежества... Так благодарим же молитвенно и благодарно – образотворца Феофана, высветляющего нам эту путеводящую образную нить, протянутую им от личного авторского понимания, восприятия, от личного проникновения к Существо про-образующему нам Себя... - нить путеводящего образа.